

О.С. Голуб

Новосибирский государственный педагогический университет

Кузнецкий локус в русской литературе XIX–XX веков

Аннотация: В статье рассматривается феномен кузнецкого локуса в русской литературе XIX–XX веков в целом и в творчестве таких писателей, как Ф.М. Достоевский, Л.П. Блюммер, В. Шишков, В. Маяковский, И. Эренбург, В. Зазубрин, А. Бек, Г. Емельянов, Г. Немченко, Л. Никонова, А. Ябров и др.

Ключевые слова: текст, сверхтекст, городской текст, русская литература, кузнецкий локус.

В настоящее время в отечественном литературоведении актуальным является изучение больших текстовых структур, так называемых сверхтекстов. И если «именные тексты» находятся в начальной стадии исследования, то в изучении «городских текстов» уже сложились определенные традиции. Здесь мы можем назвать имена ученых, работы которых стали хрестоматийными (И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров), и имена исследователей-современников (К. Линч, В. Глазычев, А. Пелипенко, В. Абашев, Н. Меднис). Все обращаются к городу как к особенному живому организму, имеющему свое «лицо», свою «душу». Об этом еще в начале XX века писал Н.П. Анциферов: «Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток, город доступен нам не только в частях, во фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей жизнью, будет жить и после нас, служа приютом и поприщем для деятельности наших потомков. Город для изучения самый конкретный культурно-исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам» [Анциферов, 1991, с. 29].

Но не все города способны порождать связанные с ними сверхтексты: «Город, сам будучи центром, с первых времен постоянно упорядочивал свою внутреннюю структуру, также ориентируясь на центрическую модель мира. И дело не только в том, что центром города всегда был храм, но и в том, что расположение всех его составляющих, <...> все это не было случайным. Весь город во внутренней структуре его ориентировался на сакральную топологию, на которую было также сориентировано и местоположение его в системе географических, но сакрализованных координат. Более того, мыслилось, что всякий город, подобно Иерусалиму, имеет своего небесного двойника и своего небесного покровителя. Таким образом, города всегда обладали некой ослабевающей или усиливающейся со временем метафизической аурой. Степенью выраженности этой ауры... во многом определяется способность или неспособность городов порождать связанные с ними сверхтексты» [Меднис, 2003, с. 22–23]. Такую сильную метафизическую ауру имеют Санкт-Петербург, Москва, Венеция, Рим, Флоренция, Париж, Берлин, Неаполь и некоторые другие. Если говорить о городах российской провинции, то с уверенностью можно заявить, что немногие из них образуют свой литературный сверхтекст. Н.Е. Меднис утверждает, что «единственным достаточно полно исследованным городским образом русской провинции является на сегодня Пермь,

удачная попытка описания которой как текста и литературного концепта была предпринята В. Абашевым» [Меднис, 2003, с. 70]. Введенное последним понятие «локального текста» как «парадигматически и синтагматически структурированного смыслового единства, воспроизведенного во множестве отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), во всем многообразии речевых жанров, объединенных предметом описания и высказывания – определенным локусом» [Абашев, 2000, с. 7–8], мы будем использовать как одно из основных в нашей работе по исследованию кузнецкого локуса в русской литературе.

Следует отметить, что количество текстов о Кузнецке в русской литературе несравненно меньше, чем о Москве или Петербурге, тем не менее, черты кузнецкого текста вполне различимы. Здесь мы можем назвать имена, известные широкому кругу читателей: Ф.М. Достоевский, Л.П. Блюммер, В. Шишков, В. Маяковский, И. Эренбург, В. Заzubрин, А. Бек и имена местных писателей: Г. Емельянов, Г. Немченко, Л. Никонова, А. Ябров и ряд других.

Кузнецк (сегодняшний Новокузнецк) – один из старейших городов Сибири, имеющий почти 400-летнюю историю. Основанный в 1618 г. томскими казаками новый острог получил нехарактерное для того времени название. Хорошо известен тот факт, что, по традиции, вновь построенные в XVI–XVII вв. сибирские остроги-города получали имена либо от гидронима (Тобольск, Томск, Тюмень, Иркутск), либо от этнонима (Якутск, Ачинск, Мангазея). Кузнецк же получил свое наименование от названия ремесла, которым занимались шорцы-абинцы – редкое среди тюркских народов племя, которое не просто вело оседлый образ жизни, но и занималось ремеслом. Казаки узнали об этом народе от томских татар, которые называли шорцев-абинцев «устар», что было переведено на русский язык как «кузнецы». Исследователь шорской культуры Г. Косточаков пишет, что «кузнечное дело было не просто ремеслом, а целым мировоззрением и образом жизни. Кузнецы почитались наравне с шаманами и кайчи. Кузнечным делом могли заниматься не все, а лишь избранные <...>. У кузнецов был свой бог-покровитель, звали его Аб (Аба). И имя это не произносилось все... Вместо него обычно употреблялось слово “ус” – “кузнец”. И в сознании тюрков Западной Сибири имя этого бога – покровителя – Аб (Аба) соединялось с этнонимом аба (абинцы) и словом-понятием «устар-кузнец». Так получалось, что название племени Аба произошло от имени бога-покровителя, а значит, абинцы и кузнецы – это одно и то же. Обычное звуковое сходство удачно связало в тюркских языках этноним и традиционное ремесло абинцев-шорцев» [Косточаков, 1998, с. 4]. Так появился сначала Кузнецкий острог, потом город Кузнецк и все производные топонимы: Кузнецкий край, Кузнецкая котловина, Кузнецкий Алатау, Кузнецкий угольный бассейн. Среди населения долгое время бытовала легенда, объясняющая название города. В историко-статистическом очерке Н. Кострова (1879 г.) мы можем прочесть: «У Кузнецких татар до сего времени сохранилось предание о постройке Кузнецкого острога. По их рассказам, на месте нынешнего города Кузнецка жил некогда народ Абинцы (Абазар), у которого устроено было укрепление. Когда Русские не могли взять это укрепление силой, то прибегли к хитрости: они вошли в него посредством подкопа, и внезапное появление их пред осажденными Абинцами до того поразило последних, что они беспрекословно признали над собою власть победителей. Несколько времени спустя, дошло это до сведения Русского Царя и он спросил, каким ремеслом занимается завоеванный народ? Когда ему сказали, что большая часть его кузнецы, то он повелел, чтобы выстроенный в их земле город назывался Кузнецком» [Костров, 1992, с. 62].

По мнению Ю.М. Лотмана, основными факторами развития семиотики места является структура пространства и имя. Город, появившийся в начале XVII в., получил имя, связанное со стихией огня и металла. Но эти стихии на протяжении XVII–XIX вв. как будто дремали: местные жители (служилые, крестьяне, мещане)

не занимались кузнечным ремеслом. Таким образом, в течение трех веков город носил имя, которое никак не соотносилось с его жизнью. Только в XX в. город и имя получают второе рождение. Семантика имени, дремавшая 300 лет, вдруг прорывается с новой, необыкновенной силой. На другом берегу реки Томи строится огромный металлургический комбинат, новый город, который получает название Новокузнецк. Через некоторое время к Новокузнецку был присоединен и старый Кузнецк. Так в 1932 г. «новое» победило «старое» в Кузнецке. На долгие годы была забыта первая дата рождения города, разрушены репрезентирующие город памятники истории и культуры: Спасо-Преображенский собор (первая кузнечная церковь), Кузнечная крепость, Одигитриевская церковь (здесь в 1857 г. венчался Ф.М. Достоевский); в течение всего XX в. велась полемика о том, быть или не быть музею Достоевского в Новокузнецке. А новый, совсем молодой город теперь полностью оправдывал семантику своего имени. Слова «металл», «сталь», «чугун», «прокат» и др. стали основными в жизни людей, так как практически все население города было связано с заводом. В советскую эпоху многие города переименовывали, давая имена партийных деятелей (Калинин, Ленинград, Свердловск, Фрунзе и др.). Не обошла эта участь и Новокузнецк, который в 1932 г. получил имя Сталинск. Звучание изменилось, но семантика осталась прежней, и в большом количестве художественной и публицистической литературы, созданной в советское время, город называют «стальным сердцем страны», «городом огня и металла», «всесоюзной кузницей» и др. подобными определениями.

Как мы уже говорили, вторым важным компонентом развития семиотики города является пространство. В связи с пространством Ю.М. Лотман выделяет два типа города: концентрический и эксцентрический. Кузнецк, без сомнения, относится ко второму типу. «Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойственную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращения естественного порядка – с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [Лотман, 2000, с. 321]. Возникший в XVII в. в диком и необжитом крае город-острог отвоевал свое пространство у тайги. В знак необжитости места в 1622 г. городу была дана печать с изображением волка. Это был один из первых символов города. Первые сто лет своего существования Кузнецк был самым южным русским форпостом в Сибири, пограничным городом, городом-воином, отражавшим бесчисленные набеги диких тюркских племен. В эти нестабильные годы появилась легенда о святом защитнике и покровителе города Илье-пророке. Она зафиксирована во многих историко-статистических очерках, например в «Кузнечной летописи» И.С. Конюхова 1867 г. «Пленные калмыки или киргизы якобы сказывали, что с гор, лежащих близ города, видели в селе Ильинском большое войско, предводительствуемое седым стариком, едущим на белом коне, а также во время набегов калмыков на село Ильинское видели такого же старика на белом коне и от него столб огненный до неба, и Аон поражал татар; сие русские относят к Илии пророку...» [Конюхов, 1995, с. 22]. Есть и другие легенды: о 12-летнем мальчике, спасшем город от разорения племенем туканцев [Костров, 1992, с. 65]; о татарине Кузедееве, водившем Чудь [Там же, с. 64–65]; о хитром и смелом жителе Серебрянникове, защитившем город от калмыков [Там же, с. 65].

В. Топоров, говоря о локальных свертках, выделяет субстратные элементы текста: климатическо-метеорологические, ландшафтные, материально-культурные, духовно-культурные. Кроме того, он говорит о системе природных и культурных образов (знаков), предикатов, способах выражения предельности, пространства и времени и т.д. [Топоров, 1995]. В разных типах свертков и в

разное время одни элементы этого ряда нивелируются, ослабляются, другие же приобретают дополнительные акценты. Применительно к кузнецкому тексту, мы можем, с этой точки зрения, отметить следующий факт: доминирование одних природных и культурных образов над другими зависит от времени написания текста (XVIII–XIX века или XX век). Кузнецк долгое время оставался городом «на краю» культурного пространства», поэтому тайга и таящиеся в ней злые силы, дикость нравов жителей, их невежество стали основными мотивами при описании Кузнецка и кузнечан в XIX – начале XX века. Количество текстов, относящихся к XVIII веку, очень мало – это историко-статистически-географические очерки, появившиеся в связи с изучением и промышленным освоением Сибири. В 1734 году появились «Описания Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года» Герарда Фридриха Миллера и «Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года» Иоганна Георга Гмелина, а в 1773 году на основе материалов Миллера для «Географического лексикона Российского государства...» была составлена статья о Кузнецке Ф.А. Полуниным. Их описания города сухи и фактографичны, и для нас интересны лишь фактом существования.

Более интересными для формирования кузнецкого текста становятся XIX–XX века. У писателей XIX века (Ф.М. Достоевский, Л.П. Блюммер, И.С. Конюхов) Кузнецк – это тихий, маленький, захолустный город, погруженный в мертвенный сон, сплетничающий, пьянствующий, страдающий от безделья. Перечисленные семантические определения представляют «характерный тип далекого губернского захолустья» (Е.Ф. Шмурло), нашедший отражение в романе Л.П. Блюммера «На Алтае», где Кузнецк назван Ковальском: «Как счастливо и благополучно жили тогда ковальцы! В кои веки их мирное и благоденственное житие нарушалось какими-нибудь особенными происшествиями, вроде смены власти предрержащей, ревизии вновь прибывшего губернатора, вообще, наплыва иноплеменников или пожара. Самое бесшабашное пьянство, сильнейшее взаимное мордобитие служилого и неслужилого элементов, сплетни и клеветы не нарушали общей гармонии» [Блюммер, 1993, с. 28]. Вен. Булгаков сравнивает родной город со «спящей царевной», где человеку не на что потратить свою умственную энергию, кроме игры в карты. На Ф.М. Достоевского, побывавшего в Кузнецке трижды, город произвел самое мрачное впечатление. В письмах 1854–1857 гг. он называет Кузнецк не иначе как «городишко», где живут «враги», «шпионы», «дряни», «гады» и «гадины», которые сплетничают и интригуют. «Жить в Кузнецке ужасно», – пишет он барону Врангелю [Достоевский, 1972–1990, с. 245], «гадость кузнецкая» [Там же, с. 231], «Кузнецк? Подлость!» [Там же, с. 235], «вечный Кузнецк» [Там же, с. 236], – такими определениями характеризует город Достоевский.

Исторические события начала XX века дали новый толчок для дальнейшего развития кузнецкого текста. Нужно отметить, что произведения В. Шишкова, И. Эренбурга, В. Зазубрина, А. Бека, В. Маяковского, Г. Емельянова, Г. Немченко и др., репрезентирующие город, более информативны для формирования нашего локального текста.

В основной массе романов и повестей, написанных в первой половине XX века, Новокузнецк – это город с большим будущим, гигант металлургии, где будут жить необыкновенные люди: «Город Кузнецк стоит на золоте, угле, железе... этот город станет центром богатейшего края, ...городу этому суждено расцвести...» [Зазубрин, 1926, с. 198]. «Здесь стройки встанут стенами», «Мы в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь», «Через четыре года здесь будет город-сад», – у Маяковского в «Рассказе Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» [Маяковский, 1987, с. 610]. «Жизнь вокруг Кузнецка закипит большая, интересная. А вместе с ней встряхнется и покажет себя Кузнецк. Имя этого города обязывает к тому, чтобы быть кузницей нового» [Кручина, 1923, с. 103]. Иным

видим мы город в романе И. Эренбурга «День второй», где представлены «старые» и «новые» реалии. Илья Эренбург был, пожалуй, последним, кто писал не только о новом, но и о старом Кузнецке. Эпиграфом к роману послужили слова из Библии: «Да будет твердь среды воды. И стало так. И был вечер, и было утро: день второй (из книги Бытия)». День первый, – по выражению Эренбурга, – это революция и гражданская война, день второй – начало тридцатых годов, когда страна взялась за создание народного социалистического хозяйства. Происходящее подчас кажется библейским хаосом: пришли в движение миллионные массы, вокруг – кричащие противоречия, но движение вперед к поставленной цели неудержимо. Автор обращается к прошлому, к экзотической природе: «В стороне был город – Кузнецк. Над городом белели развалины крепостной церкви»; «Иногда в ясный день показывались горы, голубые, как вымысел. Там жили шорцы. Никто не знал толком, как они живут. Они уходили из своих улусов в тайгу, били медведей, выдр и белок. Шаман ударял в большой бубен и на непонятном языке разговаривал с духами»; «Когда пришли сюда люди с машинами, шорцы смутились. Машины бегали по степи и рычали. Пришельцы начали рубить тайгу. Тогда шорцы ушли прочь. ...В августе то и дело горела тайга. Шаманы говорили, что злые духи разгневаны» [Эренбург, 1991, с. 216]. Эренбург, ставший летописцем строительства Кузнецкого металлургического комбината, показывает, что новый город и новый завод строили новые люди, которые приезжали со всех концов страны: это были переселенцы, раскулаченные, беглецы, энтузиасты. «Люди пришли сюда со всех четырех концов страны. Это был год, когда страна дрогнула. ...В стране надрывались паровозы. Из их груди исходил мучительный свист: они никак не могли поспеть за людьми. За одну ночь на вокзальных перронах, как сказочные горы, выросли тюки, корзины, узлы – все шивовое и пестрое добро. Оседлая жизнь закончилась. Люди понеслись, и ничто больше не могло их остановить. Среди узлов вопили грудные младенцы. Старики отхлебывали суп из ржавых жестянок. Здесь были украинцы и татары, пермяки и калуцкие, буряты, черемисы, калмыки, шахтеры из Юзовки, токари из Коломны, бородатые рязанские мостовщики, комсомольцы, раскулаченные, безработные шахтеры из Вестфалии или из Силезии, сухаревские спекулянты и растратчики, приговоренные к принудительным работам, энтузиасты, жулики и даже сектанты-проповедники. Все эти люди неслись куда глаза глядят. Они не знали, куда они несутся. Но все они неслись на восток, и это знала Москва» [Там же, с. 152–153]. Эти люди, руководимые разными мотивами, смогли победить даже вековую сибирскую тайгу: «Тайга была упряма: она не подпускала людей. Она смыкалась глухой стеной. Навстречу пришельцам она швыряла гигантские стволы. Она вцеплялась в них едким кустарником. Она слала в разведку быстрые потоки, и эти потоки сносили все. Зимой тайгу сторожил снег, летом – свирепая мошкара. Тайга чувствовала, что люди хотят ее уничтожить, и она не сдавалась. Тайга была упряма, но упрямей тайги были люди» [Там же, с. 355]. «Людей в стране было много, и тайга что ни день уступала несколько саженой. Это был поход на тайгу» [Там же, с. 356–357]. «Люди жили как на войне. Они взрывали камень, рубили лес и стояли по пояс в ледяной воде, укрепляя плотину. Каждое утро газета печатала сводки о победах и о прорывах, о пуске домны, о новых залежах руды, о подземном туннеле... Люди торопились... Они устанавливали, что ни день, новые рекорды...» [Там же, с. 153–154].

В начале тридцатых годов Союзом писателей было принято решение о необходимости написания «Истории Кузнецкстроя». Одним из командированных на стройку литераторов-беседчиков стал Александр Бек. Пять месяцев провел он на площадке Кузнецкстроя, «перелистывая людей». Были написаны тысячи страниц материалов бесед. Увиденное и услышанное им легло в основу нескольких произведений: «Курако» (1934), «События одной ночи» (1936), «Молодые люди» (совместно с Н. Лойко), «Почтовая проза» (1962).

В феврале 1932 г. А. Бек получил очередное письмо от журналистки Лидии Тоом, работающей на Кузнецкстрое, в котором она с восхищением говорила о происходящих событиях: «Но каков же Кузнецкстрой? Я мало видела, но все же скажу: удивителен. Чем? Едешь тысячи километров пустыней поросшей чахлой растительностью, и вдруг – такой кусок кипучей человеческой энергии! Кругом красивые горы, воздух чист, небо голубое, солнце, несмотря на мороз, прямо-таки южное, и все здесь разворочено, всюду упрямо копошатся, работают люди. Все живет, кипит. Впечатление сильное» [Бек, 1974–1976, т. 4, с. 10]. В августе того же года Л. Тоом сообщает Беку, что в Кузнецке «работы – горы, делать ее некому», и было бы хорошо, если бы Бек приехал в помощь «Истории Кузнецкстроя». А. Бек решает ехать на стройку и вместе с бригадой (помимо него в бригаду включились Н.Г. Смирнов, который был уже автором книг «Дневник шпиона» и «Джек Восьмеркин – американец», и Зинаида Крянникова, молодой критик) выезжает на Кузнецкстрой. В повести «Почтовая проза» писатель вспоминает о своем приезде в Кузнецк: «И вдруг за каким-то поворотом он открылся сразу, целиком, всей панорамой – Кузнецкий металлургический завод. Разговоры оборвались, стало тихо, все прильнули к окнам. Вероятно, многим, кто подъезжал в те годы к Кузнецкстрою, на всю жизнь запомнилось волнение этой первой минуты, первого взгляда на площадку. Он возник перед нами множеством строений, протянувшихся на километры, изрытый котлованами, в строительных мачтах, в грудах наваленной земли, в движении паровозов, грузовиков и кранов. Над всем возвышались черные башни, две дымились, две другие, еще не законченные монтажом, вырисовывались в небе могучими железными сплетениями. ...Но поезд уже остановился, скрежеща тормозными колодками. На дощатом бараке, заменявшем вокзал, крупными подтежскими буквами было написано: Новокузнецк. Так, в августе 1932 г. мы, небольшая группа литераторов, прибыли на площадку Кузнецкстроя для работы над историей завода» [Бек, 1974–1976, т. 4, с. 17–18]. Еще одно упоминание о приезде на Кузнецкстрой мы находим у Бека в «Страницах жизни»: «Пять дней пути на Восток. Сибирская солнечная осень. Станция, дальше которой поезда не идут. Здесь площадка стройки, поле одного из главных сражений пятилетки» [Бек, 1974–1976, т. 1, с. 39]. Интересно, что здесь вновь возникает характерный для кузнецкого текста мотив «конца земли». Проза А. Бека правдива: он пишет о трудностях стройки, о невыносимых условиях жизни рабочих: «Первое впечатление – фантастическая грязь. По всей стране и сейчас, в 1933 г., гуляют рассказы о кузнецкстроевской грязи. А ведь год от года ее становилось меньше и меньше. Весной тридцатого ноги грузли по колено. Осенью двадцать девятого Бессонова – нынешний секретарь Франкфурта – увязла в грязи по грудь в самом центре площадки, где клали фундамент заводоуправления. Сапоги засосало, и они навсегда остались в болоте» [Бек, 1974–1976, т. 4, с. 34–35].

Очередной этап в развитии нашего локального текста наступает в 50-е – 60-е гг. XX века, и он вновь связан с развитием промышленности в стране: в Новокузнецке начинается строительство второго металлургического гиганта – Западно-Сибирского металлургического комбината. Это была очередная стройка века. И опять, как в конце двадцатых годов, сюда съехались со всех сторон страны люди молодые, крепкие и уверенные в себе. Среди них были и энтузиасты-добровольцы, и романтики-искатели, и лихачи-сорвиголовы. Не жалея себя они работали и в жару, и в стужу, штурмовали план в конце месяца, с работы возвращались в тесные «общаги», радовались всему первому: кинотеатру, улице, пуску первой домны. Для многих из них город стал родным. «И думали они о странном своем городе, где почти все устраивают свою жизнь около металла да угля, которые, как вода, как хлеб, необходимы всем вместе и сто лет, если разобраться, не нужны каждому в отдельности. Но ведь родные города не выбирают, как не выбирают мать и отца» [Немченко, 1983, с. 201]. Об этих людях напишут романы и повести Г. Емельянов («Берег правый», «Горячий стаж», «Хочу удивляться» и

др.), А. Ябров («Ритуальный танец», «Финал», «Паду к ногам твоим»), Г. Немченко («Здравствуй, Галочкин», «Было на Запсибе», «Тихая музыка победы», «Хоккей в сибирском городе» и др.). Во второй половине XX века у местных жителей возвращается интерес к истории родного города, к памятникам культуры и архитектуры. Это прослеживается в названиях появившихся литературных объединений (например, «Притомье», «Фесковские литераторы»), литературно-художественного альманаха («Кузнецкая крепость»), сборника краеведческих статей («Кузнецкая старина»); открывается литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»; городу возвращается историческая дата его основания – 1618 год, герб, учрежденный в 1804 году; восстанавливается Спасо-Преображенский собор.

В конце XX века в развитии кузнецкого текста наблюдается спад. Столичные авторы не пишут, нет прецедента, у местных писателей и поэтов тема города проявляется слабо. Нельзя назвать ни одного писателя или поэта, у которого тема города была бы одной из основных. Появляются лишь отдельные стихотворения, разного рода «юбилейная», «заказная» поэзия, очерки, газетные публикации, рекламные слоганы. Однако волна культурного «регионализма» 90-х гг. XX века не прошла мимо Новокузнецка: появились ценные статьи, монографические исследования и материалы, посвященные истории города. Наша скромная работа – часть этого процесса «собираания» цельного образа города из отдельных фрагментов.

Литература

- Абашеев В. Пермь как текст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000.
- Анциферов Н.П. Непостижимый город. Л., 1991.
- Бек А. Страницы жизни // Бек А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1974–1976. Т. 1.
- Бек А. Почтовая проза // Бек А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1974–1976. Т. 4.
- Блюммер Л.П. На Алтае. Новокузнецк, 1993.
- Достоевский Ф.М. Письма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28.
- Зазубрин В. Неезженными дорогами // Сибирские огни. 1926. № 3.
- Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995.
- Косточаков Г. Почему Кузнецк, а не Абинск, не Кондомск? // Кузнецкий рабочий. 1998. 2 июля.
- Костров Н. Город Кузнецк. Историко-статистический очерк // Повествование о земле Кузнецкой / Сост. В.В. Тогулев. Кемерово, 1992.
- Кручина А. В глухом углу, в Кузнецке (из записной книжки журналиста) // Повествование о земле Кузнецкой / Сост. В.В. Тогулев. Кемерово, 1992.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Маяковский В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка // Маяковский В. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1.
- Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
- Немченко Г.Л. Хоккей в сибирском городе // Немченко Г.Л. Возвращайся!.. Кемерово, 1983.
- Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Эренбург И.Г. День второй // Эренбург И.Г. Собр. соч.: В 8 т. М., 1991. Т. 3.